

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: ОСОБЕННОСТИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, ЗНАЧЕНИЕ

М. Л. Ткачева

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
21 мая 2018 г.

Дата принятия к печати
14 августа 2018 г.

Дата онлайн-размещения
3 сентября 2018 г.

Ключевые слова

Социально-гуманитарное знание; духовная культура; неокантианство; герменевтика; неопозитивизм; ценности; история; художественная культура; исторический источник; «Слово о полку Игореве»

Аннотация

Рассматривается специфика социально-гуманитарного познания, его родовые особенности. Излагаются наиболее востребованные в социально-гуманитарных дисциплинах XIX–XX вв. подходы. Обосновывается идея о закономерности эволюции знания и появления его социально-гуманитарной версии. Характеризуется историческое познание и принципы критики исторических источников. Описывается роль художественных произведений в историческом познании.

SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE: PECULIARITIES, INTERACTIONS, MEANING

Marina L. Tkacheva

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
May 21, 2018

Accepted
August 14, 2018

Available online
September 3, 2018

Keywords

Social and humanitarian knowledge; spiritual culture; Neo-Kantianism; hermeneutics; neopositivism; values; history; art; primary source; «Lay of Igor's Warfare»

Abstract

Particular characteristics of social and humanitarian cognition, its generic peculiarities are considered. The most popular approaches in the social and humanitarian subjects of the 19th–20th century are stated. The idea of consistency of the knowledge evolution and appearance of its social and humanitarian version is substantiated. Historical cognition and critical principles of primary sources are characterized. The role of works of art in the historical cognition is described.

Соизмеримость гуманитарного познания с человеком, «заточенность» на его одухотворенном бытии порождают интерес к сферам ценностей, символов, языка. Это касается как языка традиционной науки и анализа логики его становления, так и фактов повседневной жизни, обыденного существования человека. Укорененность

человека в социально-культурной ситуации, в которой переплетаются мифы, суеверия, исторические предания, идеологические конструкты и художественные переживания, стала предметом внимания еще у Дж. Вико, который писал и о духе народа, и о значении языка («Новая наука»). Неокантианцы впервые разделяют науки по методу. Также в

качестве предмета философского знания декларируется мир ценностей как равноправной сферы жизни (В. Виндельбанд). Э. Кассирер, опираясь на идеи В. фон Гумбольдта, разрабатывает концепцию символической природы человека, где наиболее фундаментальной символической формой является язык («Философия символических форм»). Герменевтика, начавшись как метод интерпретации письменных (и в первую очередь литературных) текстов, вскорости приобретает общеметодологические очертания (Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр). Феноменологические идеи интенциональности сознания (Ф. Brentano, Э. Гуссерль), упорядочение во внутреннем времени субъекта всего многообразия реальных актов его сознания также оказываются концептуально необходимыми и востребованными современной гуманитаристикой. Таким образом, идея о человеке как субъекте духовной жизни приобретает общетеоретический вид и становится фундаментом социогуманитарного знания.

Согласно самой логике развития и внутренней дифференциации философской методологии, неокантианство, герменевтика, феноменология осуществляют спонтанное или осознанное движение к интуитивизму, который в противовес позитивизму становится весомой тенденцией в общественных и гуманитарных дисциплинах XX в. Интуитивизм сближается с иррационализмом, выступающим как характеристика процессов, сущность которых недоступна разуму, иноприродна ему. Представляется, что одна из причин тяготения к иррационализму в социогуманитарном познании — коренное свойство общественной жизни быть системой отношений между людьми, которые не могут быть наблюдаемы непосредственно, но должны быть «увидены» через те действия, которые человек совершает по отношению к другим, и те эффекты, которые эти действия оказывают на других. Являясь носителем языка и будучи погруженным в чрезвычайно подвижную систему социально-духовных смыслов, человек стремится проникнуть в мотивы людей, их внутреннюю жизнь, вступая с ними в диалог и пытаясь понять и интерпретировать их поступки по отношению к себе и другим. При этом поступком является слово, действие, интонация, жест, вызывающие ответную реакцию и требующие истолкования. Но в духовную жизнь включены и иррациональные процессы: интуиция, воображение, переживания, воля, озарение... Помимо сложности внутренней жизни, отнюдь не всегда находящей

адекватную внешнюю форму, пригодную для точной передачи и восприятия, иррационализм рождается из алогичного характера самого человеческого бытия, эклектично соединяющего в себе фрагменты и обломки социально-духовных систем. По словам В. Дильтея, ставшими философским афоризмом, «жизнь нельзя поставить перед лицом разума». Так появляется важнейшая для социогуманитарного знания процедура интерпретации, воплощающая стремление исследователя дать наибольшее понимание человекоразмерным явлениям и процессам. При этом чем большей свободой выбора средств толкования располагает исследователь, чем глубже консонанс его личности и исследуемого материала, тем плодотворнее будет познание душевной жизни. «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы понимаем» (Дильтей). Само понимание интерпретируется как особая методологическая процедура (герменевтика) или даже как фундаментальный способ человеческого бытия, один из модусов изначального умения жить в мире (Хайдеггер). Обсуждение различия гуманитарного и естественно-научного знания приводит мыслителей, с одной стороны, к противопоставлению дискурсивного мышления интуитивному постижению изучаемых явлений, непосредственному проникновению в сущность культурно-исторических феноменов и личности, с другой — к утверждению об интерпретативном характере всякого знания.

О закономерности и востребованности такой эволюции представлений о методе говорит тот факт, что и сами позитивисты, настаивавшие на тотальной рациональности, непротиворечивости, точности научного знания, разрабатывающие его методологию в XX в., отказываются от мысли очистить язык науки от неопределенности повседневного языка и утвердить строгость понятийных дефиниций. К таким исследователям относится Л. Витгенштейн. От строгой логики в «Логико-философском трактате» он постепенно переходит к необходимости венаучного образа естественного бытия, создающего почву и воздух для мышления («Культура и ценность»). У него возникает убеждение в необходимости возникновения языка науки как вынужденной меры, ограничивающей безбрежность интерпретативных образов мира, а предпосылкой и возможностью самого бытия образа является целостность и многообразие мира. Чем более нагруженной смыслами и возможностями ассоциативных связей будет первоначальная ментальная

картина, возникшая при восприятии слова или выражения, тем конкретнее будет и образ. Понятийное мышление служит в этом случае инструментом «очистки» от возможности ассоциативных связей, представляя другой полюс мысли [1].

Естественной тенденцией становится и расширение границ самой логики (Э. Кассирер): гуманитарные и естественные науки равноправны, кроме этого, восстанавливается статус вненаучного знания. Все его формы (искусство, миф, религия) обладают «самостийной энергией духа»: «Каждая из этих форм несводима к другой и невыводима из другой, ибо каждая из них есть конкретный способ духовного воззрения: в нем и благодаря ему конституируется своя особая сторона «действительности»... Функции чистого познания, языкового мышления, мифологически-религиозного мышления, художественного мировоззрения следует понимать так, что во всех них происходит не столько оформление мира, сколько формирование мира, образование объективной смысловой связи и объективной целостности мировоззрения» [2, с. 15–17].

Особый интерес вызывает трактовка проблемы истинности гуманитарного знания. Представляется более адекватным понятие, которое использовано М. Бахтиным, — точность: «Точность и глубина в гуманитарных науках: пределом точности в естественных науках является идентификация ($a = a$). В гуманитарных науках точность — преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнание чужого и т. п.)» [3, с. 392]. Не менее интересна мысль Витгенштейна о том, что истинность знания о человеке связана с тем, как часто оно воспроизводится и используется в духовной культуре.

И неокантианец Виндельбанд, и неопозитивист Витгенштейн солидарны в том, что гуманитарное знание невозможно без метафоризации, порожденной самим его предметом и характером. В современном научном дискурсе из пограничных и почти ненаучных конструкций текста метафора становится одним из базовых качеств научного творчества. Метафора не может не опираться на визуальные образы (недаром так вошла в сознание «лестница» Витгенштейна). С этими суждениями солидарны и сегодняшние исследователи. Таким образом, одной из задач гуманитаристики видится визуализация и знания, и образов. Если же вспомнить, что современное массовое сознание насыщено мифологическими элементами, а мифология

глубоко синкретична и включает визуальный компонент, то необходимость использования визуальных форм рефлексии (в особенности искусства) станет особенно очевидной.

Интересной территорией гуманитарного знания является история: без нее никакое знание о человеке не было бы возможно. Но такая ситуация складывается сравнительно недавно. Долгое время (до XVI в.) история не представлялась самостоятельной областью знания, а вплоть до XIX в. к ней пытались применить естественно-научный критерий истинности, подчеркивающий повторяемость, устойчивость, сущностный характер отражения реальности. Поскольку история описывает события единичные (во всяком случае, требует максимальной полноты и всесторонности описания событий), то такое описание ни в коей мере не могло подпадать под традиционные характеристики научного знания. Французские историки XX в. (Ф. Бродель, М. де Серто) вернули историю в границы гуманитарного знания, подчеркнув человеческий характер главного объекта истории (социального времени) и гуманитарный характер историографического дискурса (познание другого, репрезентация различия) [4]. Кроме того, необходимо учитывать законченность прошлого исторического события, его завершенность, независимость и отделенность от настоящего [5, с. 505]. Эта «незаинтересованность» истории открывает возможность огромного количества интерпретаций и допущений, в том числе весьма субъективных и произвольных. И именно историки отчетливее всего осознают необходимость осмысления идеологических и теоретических оснований познания конкретно-исторических явлений, в которых полнота источниковой базы опирается на разработанную теоретико-гуманитарную концепцию. Примером может стать исследование современного французского медиевиста Ле Руа Ладюри, посвященное истории борьбы инквизиции с катарской ересью в маленьком окситанском селении в XIII–XIV вв. Он придерживается четко разработанного теоретического подхода, который структурирует последовательность изложения и помогает увидеть ценность непривычных источников — записей допросов инквизиции, свидетельств жителей, записанных со слов доносчиков или услышанных случайно католическими священниками (разговоры у колодца, во время совместных хозяйственных занятий, дружеская болтовня и т. п.). Автор говорит, что он искал такие свидетельства, которые исходили бы от самих участников. И

вот картина давних событий оживает: «Точка зрения, приземленная до уровня почвы, крестьянского общества, чудесно сочетается с монографией по аграрной истории» [6, с. 14]. Это чувство живости, возникающее при чтении вполне научного исторического исследования, воспринимающий вполне законно интерпретирует как своеобразную художественность.

Отдельного упоминания заслуживают произведения искусства разных эпох, видов и жанров в качестве мыслительного материала гуманитарного познания. Исследователи-историки были первыми, кто осознал ресурсы произведений художественной культуры как исторического источника и — одновременно — сложности его использования в этом качестве. Великолепный анализ этой многоаспектной проблемы дал Д. С. Лихачев, анализируя «Слово о полку Игореве». Жанр его обширной монографии «Слово о полку Игореве» и культура его времени» вряд ли можно отнести к чисто историческому исследованию; он представляет системное рассмотрение памятника русской средневековой литературы в контексте культуры своего времени. Но принципы, которые он сформулировал, сделали бы честь любому историку-теоретику и методологу гуманитарного знания.

Казалось бы, споры о времени написания «Слова о полку Игореве» — дело далекого прошлого. Однако это не совсем так. Вопрос о времени его написания расширился: теперь его решают в контексте гораздо большего объема найденных памятников и исторических свидетельств, относящихся к истории как русской, так и западноевропейской культуры.

Во-первых, «Слово...» — свидетельство времени и исторический источник, который должно подвергать источниковедческому анализу. В качестве продукта фантазии и субъективных установок автора оно не может являться объективным ресурсом ни для исторического, ни для какого-то иного теоретического знания. Но автор художественного произведения (и это уже общетеоретическая установка) невольно «проговаривается» о фактах, которые находятся вне поля зрения главного источника информации и заведомо политизированных установок об эпохе — летописей. В художественном тексте содержатся сведения «о церемониалах, оружии, княжеском быте, и — по событиям — о деталях бегства Игоря, о бытовой обстановке степного похода (птицы, сопровождающие войско, ночевка войска в степи, захват половецких веж и пр., и пр.)» [7, с. 177–178]. В

этом отношении художественный текст комплементарен по отношению к историческим письменным источникам.

Во-вторых, художественное произведение само есть факт определенного времени, его духовный остаток. И даже если в нем содержатся некие заведомо ложные сведения, то и они «свидетельство психологии своего времени... (ибо в каждом обмане есть своя тенденция: общественная или просто эстетическая)» [7, с. 179].

В-третьих, поэт выступает носителем идеологии, определенных сдвигов в общественном сознании; в его сочинениях прочтываются свидетельства духовных процессов эпохи. Они не сводятся к действиям князей и битвам, как это характерно для летописей, агиографии и хроник.

Следует добавить, что развитое художественное чувство поэта также становится серьезным помощником в анализе этого текста. Остались заметки А. С. Пушкина о «Слове» (Песне) о полку Игореве». В качестве аргумента подлинности текста он приводит высказывания авторитетных историков (Н. М. Карамзина, А. Х. Востокова). Но далее он формулирует такие суждения, которые характеризуют именно художественные качества текста: в нем наличествуют слова, найденные впоследствии в древнерусских летописях или сохранившиеся в древних славянских речениях. «Слово...» не может быть подделкой; «это предполагало бы знание всех наречий славянских... неужто такая смесь была бы естественной?». Пушкин апеллирует к выдающемуся таланту безымянного автора и пишет, что в XVIII в. не было ни одного поэта, который мог бы с ним сравниться. Наконец, в качестве заключительного суждения он говорит, что «Слово...» пропитано «духом древности, под который невозможно подделаться»¹. Пожалуй, в этом небольшом сочинении впервые встречается характеристика таланта автора как некоего критерия подлинности художественного текста и орудия его атрибуции. В определенном смысле он превосходит некоторые идеи европейской герменевтики.

Текст о природе гуманитарного знания можно завершить небольшим заключением. Не только характер методов и предмета, но и общественный резонанс гуманитарного знания принципиально иной, нежели знаний естественно-научных: оно непосредственно воздействует на культуру и человека, изме-

¹ «Песнь о полку Игореве» // Александр Сергеевич Пушкин. URL: <http://www.as-pushkin.net/pushkin/text/articles/article-105.php>.

няя «оптику» взгляда человека на историю, общество, самого себя. Для полноценного конструирования гуманитарного знания обращение к фактам художественного творчества и естественно, и необходимо,

ибо сущность произведения искусства — в надстройке над повседневностью. Это конструкт, имеющий синкретическую природу — идеологически-теоретическую и чувственно-конкретную.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильчук Ю. Образность в философских текстах / Ю. Васильчук // Языки культур: образ — понятие — образ / ред. В. Л. Рабинович, А. Н. Рылева. — СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад., 2009. — С. 61–82.
2. Кассирер Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. — М. ; СПб. : Университет. кн., 2001. — Т. 1 : Язык. — 271 с.
3. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1986. — С. 381–393.
4. Савельева И. М. История и время: в поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — М. : Языки рус. культуры, 1997. — 800 с.
5. Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма / А. И. Неусыхин. — М. : Наука, 1974. — 537 с.
6. Ле Руа Ладюри Э. Монтанью, окситанская деревня (1294—1324) / Э. Ле Руа Ладюри ; пер. с фр. В. А. Бабинцева, Я. Ю. Старцева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. — 544 с.
7. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени / Д. С. Лихачев. — 2-е изд., доп. — Л. : Худож. лит., 1985. — 352 с.

REFERENCES

1. Vasil'chuk Yu. Visualization in the Texts on Philosophy. In Rabinovich V. L., Ryleva A. N. (eds.). *Yazyki kul'tur: obraz—ponyatie—obraz* [Languages of Cultures: Image — Concept — Image]. Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2009, pp. 61–82. (In Russian).
2. Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen. Bd. 1. Die Sprache*. Berlin, 1923. (Russ. ed.: Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 1. Yazyk*. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 271 p.).
3. Bakhtin M. M. On the Methodology of Liberal Arts. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskustvo Publ., 1986, pp. 381–393. (In Russian).
4. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. *Istoriya i vremya: v poiskakh utrachenogo* [History and Time: In Search of Things Past]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 800 p.
5. Neusykhin A. I. *Problemy evropeiskogo feodalizma* [Issues on European Feudalism]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 537 p.
6. Le Roy Ladurie E. *Montaillou, village occitan de 1294 à 1324*. Paris, Gallimard, 1975. 20 p. (Russ. ed.: Le Roy Ladurie E. *Montaiyu, oksitanskaya derevnya (1294—1324)*. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2001. 544 p.).
7. Likhachev D. S. «Slovo o polku Igoreve» i kul'tura ego vremeni [«Lay of Igor's Warfare» and Culture of its Time]. 2nd ed. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985. 352 p.

Информация об авторе

Ткачева Марина Львовна — кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: margo514@yandex.ru.

Author

Marina L. Tkacheva — Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: margo514@yandex.ru.

Для цитирования

Ткачева М. Л. Социально-гуманитарное знание: особенности, взаимодействия, значение / М. Л. Ткачева // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 3. — С. 391–395. — DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(3).391-395.

For Citation

Tkacheva M. L. Social and Humanitarian Knowledge: Peculiarities, Interactions, Meaning. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2018, vol. 28, no. 3, pp. 391–395. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(3).391-395. (In Russian).